

Глава 55. Их детство (1)

— Неужели мы и правда способны растворить врождённое одиночество в любви другого человека?

Начальник поезда сидел перед зеркалом, лёгкими движениями припудривая щёки, и тихо говорил:

— Люди до безумия стараются подстроиться под других, лишь бы быть частью группы. Им кажется, что сойти с поезда — значит шагнуть навстречу смерти, и только натянув на лицо фальшивую маску, можно урвать хоть мгновение передышки. Но и те, кто набирается смелости и бежит на другой поезд, вовсе не всегда становятся счастливыми...

— Любовь, вспыхнувшая на углях, приносит страх. И этот страх никогда не бывает понят. Бывшие товарищи, с одной стороны, судят вынужденных беглецов за «нечистоту», а с другой — провозглашают благородство собственного выбора, цепляясь за оторванные от реальности догмы и не желая видеть боль, которая творится у них перед глазами.

Злой дух Эрик сжался в углу, делая вид, что он тут просто вежливый случайный слушатель.

Последние дни начальник поезда использовал его как личную сливную яму. Каждый день либо философия, либо наблюдение за тем, как люди на этом поезде под искажённым общественным устройством демонстрируют всё богатство биологического разнообразия.

Постепенно Эрик перешёл от полного непонимания к состоянию, когда иногда ему даже начинало казаться, что он что-то в этом чувствует.

Но до настоящего понимания было далеко. Всё-таки правила этого поезда устанавливал сам начальник поезда. Может, если бы ты для начала придумал не настолько мёртвые правила, тебе бы чаще попадались нормальные люди?

Сначала испытывать человеческую природу, а потом упрекать её в низости — это вообще нормальный подход?

Когда-то начальник поезда тоже был человеком.

Люди — очень сложные существа.

Подумал Эрик, «второе поколение злых духов», созданное Эвелин.

При жизни их сковывают невидимые правила, после смерти — тоже не отпускает.

Начальник поезда однажды похвалил его за сильную эмпатию.

Эрик сразу принялся скромничать и одновременно, пока тот не смотрел, потихоньку правил Справочник сотрудинок.

Начальнику поезда, кажется, было не особенно до этого дело. Справочник лежал себе где-то в стороне, и «она» могла не заглядывать в него неделями. Из-за этого Эрику даже стало немного совестно.

Он поколебался. Но, поскольку Ли Вэй и Дрейтон уже были переписаны им в справочнике и опасности для них не оставалось, всё же смутно предупредил:

— На поезд вроде бы пробрались довольно опасные личности.

Начальник поезда чуть опустил голову и улыбнулся.

У него были мягкие золотисто-каштановые длинные волосы, а черты лица на три части напоминали Ю Шань. Без макияжа он выглядел тонко и даже беззащитно, совсем не производя агрессивного впечатления. Голос у него тоже был слабый и мягкий, и он почти всегда специально опускал голову, чтобы скрывать слишком заметный для девушки кадык.

Эрик каждый раз слегка зависал, прежде чем вспомнить, что начальник поезда вообще-то мужчина.

Хотя и с длинными волосами, и в платье, и с именами Мариан и Ю Лянь.

— Спасибо за предупреждение, но это не страшно, — мягко сказала Ю Лянь. — Я знаю, чего они хотят.

Он начал красить губы помадой — такой ярко-красной, что люди обычно шутят, будто это цвет «сожрёт младенца».

Эрик тупо смотрел на него. А потом не выдержал и спросил:

— А ты сам чего хочешь?

— «Чего я хочу»?

— Ага. Ты впустил в свою территорию собственную сестру Ю Шань и даже не сказал ей, что уже стал злым духом. Ты ещё и спокойно позволяешь целой толпе киллеров её ранить.

Эрик повторил:

— Так чего ты хочешь?

Рука Ю Лянь с помадой чуть замерла. Другой рукой он аккуратно убрал прядь волос за ухо и, глядя на себя в зеркало, ровно сказал:

— Я просто хотел увидеть её ещё раз.

«...»

А в это время Ли Вэй думал, как пройти через плотную охрану и попасть в купе начальника поезда.

В вагоне, где находился хозяин, всё и правда было иначе. На каждом шагу караулы, проводники таращатся, как совы, и пристально следят за каждым, кто осмеливается приблизиться.

Во втором вагоне от головы состава Ли Вэй столкнулся с бродягой с другого поезда.

Тут уже и непонятно, везучий он или наоборот. Лучший друг его пнул, есть нормально не давали, спать не давали, полмесяца он прожил как в аду, постоянно боялся за жизнь, а в итоге на поезде умерла куча народа — а он жив.

И до сих пор он думал, что Ю Шань, которая когда-то помогла ему, хороший человек. Что

Слепая Трость просто счастливчик, которого выбрал его бывший брат-друг. Что сам бывший друг хоть и человек дрянной, но если смог выжить на другом поезде — и ладно. И что между Ли Вэем и Дрейтоном исключительно чистая, незапятнанная коллегиальность.

— Спасибо тебе и твоему коллеге, — сказал он Ли Вэю. — Тогда я уже всерьёз думал о том, чтобы броситься под поезд. Если бы не вы, не ваши несколько слов, я бы до сегодняшнего дня не дотянул. Только у тебя лицо неважное. А где тот коллега? Почему его нет рядом?

Ли Вэй вспомнил, что случилось совсем недавно, побледнел и, всё ещё не до конца отойдя, сказал:

— Нам лучше держать дистанцию.

— Да не парься, ха-ха-ха.

Оказавшись в новой среде, бродяга вдруг зазвучал почти как жизнерадостный натурал.

— Я слышал, что наказывает поезд только за настоящие чувства. Если это просто друзья, которые иногда перекидываются парой слов, любовь же не появится из ниоткуда. Если даже семечка нет, с чего бы чему-то вырастать?

— Хотя, конечно, на этом поезде есть уроды, которые и нормальное общение между друзьями бегут доносить проводникам. Мусор есть везде, тьфу, это просто зависть.

Ли Вэй, которого только что едва не размазали правила за «лишнюю близость»: «...»

Настоящие чувства? Какие ещё, к чёрту, настоящие чувства?

На прошлом поезде было притворство, на этом — дурацкие сообщения в мессенджере в попытке прощупать правила. Да что вообще поезд может понимать в истинности чувств?

Он машинально оглянулся, убедился, что Дрейтон далеко и этого не слышит — он и не должен был идти следом — и только тогда натянул кривую улыбку. Потом вдруг спросил:

— Ты уже общался с другими пассажирами?

— Ага. На этом поезде все вроде хорошие.

Ну всё, опять пошли его знаменитые карточки «хороший человек».

— Тогда... — добрый Ли Вэй мягко подтянул его чуть в угол и тихо спросил: — Если бы мне нужно было попасть в первый вагон, где находится начальник поезда, у тебя есть идеи?

— Ты хочешь увидеть начальника поезда? — бродяга аж растерялся. Огляделся и сказал: — Один человек рассказывал мне, что в первом вагоне вроде бы ещё и пункт первой помощи. Если с кем-то случается внезапная беда, его тащат именно туда. Но ты только не вздумай ничего с собой делать, я просто к слову.

— Спасибо.

Ли Вэй похлопал его по плечу и уже собирался уходить, когда тот вдруг схватил его за руку:

— Подожди. Ты что задумал?

Ли Вэй просто посмотрел на него молча.

Бродяга стиснул зубы и прошептал:

— У меня аллергия на глютен. Если я съем что-нибудь с ним, снаружи это будет выглядеть очень страшно, но по жизни не убьёт.

На этот раз Ли Вэй и правда удивился.

— Ты хочешь помочь? Почему?

Бродяга неловко улыбнулся:

— Я чуть не сдох, а потом каким-то чудом выжил. Теперь мне всё кажется, что надо хоть что-то хорошее сделать в ответ этому миру. Ты только не спрашивай, а то я передумаю... Ты ведь делаешь что-то хорошее, да?

— Абсолютно, — улыбнулся Ли Вэй, стараясь выглядеть максимально искренне.

Бродяга аж дёрнулся. Кажется, впервые понял, почему людям могут нравиться «сладкие мордашки».

— Брат, у тебя в детстве девчонки, наверное, штабелями падали.

— Нет, — сразу опроверг Ли Вэй. — Большинство довольно быстро понимало, что я гей.

— А... а?

Бродяга завис. А Ли Вэй уже утащил его к тележке с перекусом:

— Давай, я угощаю. Что берёшь?

...

Через десять минут бродяга лежал на полу с посиневшими губами, шеей, руками и щеками, усыпанными красной сыпью. Любой бы поверил, что он при смерти.

Ли Вэй прошёл мимо, будто случайно, подпрыгнул от ужаса и закричал:

— Что с ним? Кто-нибудь, помогите!

Люди в вагоне до этого были заняты каждый своим делом, но после крика обернулись. Кто-то сказал:

— Это же тот пассажир, который только сегодня пересел с другого поезда?

— Да, я его видел на том составе. Его лучший друг сбежал с кем-то, потом его ещё ножом проткнули в проходе, столько крови было...

Умер? Кто умер?

Бродяга сначала старательно изображал, что без сознания. Но, услышав это, резко распахнул глаза и попытался что-то спросить. Только горло уже так опухло от аллергии, что он смог издать лишь невнятное мычание.

Кто умер?

Разве его бывший «брат» не должен был сейчас спокойно жить на другом поезде?

— Точно умер. Говорят, это сделал его партнёр. Зато хоть быстро. Сразу умер, не мучился.

О чём вы вообще говорите?

Ему бы сейчас злорадствовать. Или хотя бы остаться равнодушным. Но когда он по-настоящему услышал о смерти человека, который когда-то был ему близок, сердце вдруг странно сжалось. И, не успев понять, что происходит, он уже почувствовал, как по щекам текут слёзы.

Он сжался на полу, совсем забыв, что должен помогать Ли Вэю играть. Просто лежал и беззвучно плакал.

Один из прохожих, заметив это, остановился и глухо сказал Ли Вэю:

— Пойдём. Отнесём его в медпункт в головном вагоне.

— Это купе начальника поезда, — возразил другой пассажир. — По правилам нам нельзя входить в тесный контакт...

— Человек сейчас помрёт, а ты всё о правилах? — перебил его Ли Вэй. — Пошли.

Пассажир, уткнувшийся в правила, смущённо затих. Ещё несколько человек подошли ближе и помогли поднять бродягу за руки и ноги. Все вместе они донесли его до проводника у входа и, не отступая, Ли Вэй сказал:

— Ему нужна первая помощь.

Проводник посмотрел сначала на него, потом на толпу вокруг и сказал:

— Войти могут только двое.

— Пойду я, — сразу вызвался Ли Вэй. — Я умею оказывать первую помощь.

Разве ты не уборщик на местах преступлений? Ты точно про помощь говоришь, а не про опыт обращения с трупами?

Проводник, прекрасно знавший его профессию, внутренне офигел, но бродяга крепко вцепился в руку Ли Вэя и явно сам выбрал себе сопровождающего. Так что проводник махнул рукой и пропустил его.

Люди ужасно странные существа.

Так Ли Вэй без проблем вошёл в головной вагон.

Он устроил бродягу в безопасном месте у стены и тихо сказал:

— Не волнуйся. Я обещаю, что ты сойдёшь с поезда живым.

Бродяга, с красными глазами, покачал головой — не поймёшь, в каком смысле. Ли Вэй ободряюще похлопал его по спине, сжал пистолет и пошёл дальше.

Пространство в голове поезда оказалось куда больше, чем он ожидал.

Чем дальше он шёл, тем слабее становился свет. Впереди появилась огромная зеркальная стена почти во всю ширину. Перед ней, на резной табуретке, сидела «женщина» с золотисто-каштановыми волнистыми волосами в тёмно-зелёном приталенном платье. Она сидела спиной к Ли Вэю, лицом к зеркалу, и спокойно подводила себе брови.

Рядом, в собачьей лежанке у зеркала, лежал коричневый кудрявый щенок и с самым невозмутимым видом грыз косточку.

— Ты пришёл спасать человека? — не оборачиваясь, спросил начальник поезда. — Оставь больного там. Как только я закончу лечение, отпущу его обратно.

Ли Вэй поднял пистолет и прямо сказал:

— Я не спасать пришёл. Я пришёл убивать.

Начальник поезда это услышал, но даже не вздрогнул. Сперва так же спокойно дорисовал левую бровь и только потом неторопливо произнёс:

— Тех, кто умеет убивать, на этом поезде слишком много. А вот тех, кто действительно готов спасать, почти нет. Я думал, ты всё-таки не такой, как остальные.

Ли Вэй уловил подтекст:

— Почему ты так говоришь? Ты меня знаешь?

— Нет. — Начальник поезда слегка повернул голову, и в полумраке его профиль показался почти размытым. — Мне лень обращать внимание на профессии, титулы и роли. Всё это слишком фальшиво. Настоящее лицо человека видно только тогда, когда подходишь совсем близко.

— Например, тебя. У тебя был суровый, сильный, холодный отец. Он тебя уничтожил и одновременно сделал тем, кто ты есть. И теперь, когда ты смотришь на своего любимого, мужчину по имени Уильям Дрейтон, не случается ли с тобой порой такого, что ты вдруг чувствуешь: след, оставленный прошлым, всё ещё сидит в тебе, до самой кости, так глубоко, что даже смерть его не сотрёт?

Ли Вэй с силой прикусил язык, заставляя себя собраться, и без тени дрожи спросил:

— Ты сейчас про меня говоришь или про себя?

— Наше детство было очень похожим. — Начальник поезда поднял голову. Под макияжем и без того тонкие черты лица вдруг заиграли совсем резко, как на картине. Он поднял палец и приложил его к ярко-красным губам. — Тс-с. Не спорь. Я вижу это.

Щенок тонко тявкнул, словно звал старшего.

Взгляд Ли Вэя на короткий миг ушёл в сторону.

Начальник поезда сразу это заметил и, не отводя глаз, мягко улыбнулся:

— Когда отец тебя отчитывал, он тебя бил?

<http://bllate.org/book/17014/1653755>